

ВОССТАВШЕЕ ЗЛО
РУССКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ДМИТРИЙ
ЗАВАРОВ

Осень
на краю
света

МОСКВА
2018

ЯУЗА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

Заваров, Дмитрий Викторович.

3-13 Осень на краю света / Дмитрий Заваров. —
Москва : Яуза : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-097469-6

Кражу иконы из захолустной сельской церкви можно было бы отнести к заурядным преступлениям. Если бы не гибель столичных экспертов, приехавших ради этой находки. Следствию не за что зацепиться — специалисты задохнулись по вине неправильного дымохода, а в полузымершей окруже практически некого подозревать. Да и сам образ вроде бы не представляет никакой материальной ценности.

Юрий Пономарев, правнук первого настоятеля церкви, приезжает в деревню по просьбе друга детства, на которого падает подозрение. Поневоле втянувшись в расследование, он вынужден признать, что события все хуже поддаются рациональному объяснению. При этом происходящее загадочным образом связано с историей его семьи. Но главное — здравомыслящий человек вряд ли сможет противостоять силам, разбуженным похитителями иконы...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Заваров Д.В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

ISBN 978-5-04-097469-6

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

...когда вышел к знакомому повороту. Клочковатый сумрак поднимался от усыпанной опавшими листьями земли, растекался над лужами, затягивал пожухлую траву. Пахло прелью и дымом. Здесь, у подножия холма, было почти темно. Вверх по склону, путаясь в лабиринте кургузых оградок, карабкались могильные кресты и приземистые прямоугольники памятников — туда, где на фоне еще светлого неба виднелся четко очерченный силуэт церковного купола.

Кладбище густо заросло деревьями: среди потрепанных осенней непогодой берез и тополей выделялись яркие кляксы кленов — сумрак не смог до конца стереть краску с листьев. Разбитая грунтовка — две глубокие, заполненные стылой водой колеи — плавно огибала подножие кладбищенского холма и скрывалась за рощей. Где-то там, видимо, горел костер: дым плотной пеленой стелился над могилами, комьями ваты набиваясь под кроны деревьев.

Тропинка ручейком петляла между оград. Разбухшая от дождей глина податливо проседала под ногами, липла к подошвам. Со всех сторон фамилии, имена, годы жизни — строгим официальным шрифтом,

как заголовки в газете «Правда». С выпуклых эмалевых овалов требовательно смотрели живые лица умерших.

Сверху казалось, что внизу уже наступила ночь, мрак был рассечен еле видной светлой полосой дороги: наискось через длинный, поросший камышом овраг, к ровному ряду далеких фонарей вдоль шоссе.

Неуверенно проплутав между могил, тропка все-таки выбралась к забору из металлических прутьев, отделяющему кладбище от церковной территории. Дым, сочавшийся со стороны погоста, растекался слоями над асфальтом, густо припорощенным опавшей листвой.

Церковь возвышалась над окружающими деревьями большим темно-синим куполом, усыпаным золотыми звездами, с золотым же крестом, закрепленным на толстых растяжках. Кресты поменьше венчали четыре маленькие главки по углам здания. Кирпич постройки — не красный, а темно-розовый — редко где лежал прямыми рядами: в основном кладка извивалась объемными узорами — волнами, завитками и, разумеется, крестами. Высокое крыльцо вело ко входу, над аркой которого возвышался шпиль колокольни. Церковь окружал аккуратно постриженный газон. В дальнем углу, у самой ограды, притулился небольшой домик, оформленный в той же стилистике, что и церковь. Снаружи, по периметру ограждения тянулся ряд елок. У закрытых ворот горели два фонаря, опрокидывая на газон причудливые тени от кованых узоров створок.

От автомобильной стоянки перед церковью уходила дорога — туда, где за небольшим березовым перелеском виднелись огни деревни. Свежеположенный асфальт масляно чернел, и небольшие лужицы в неровностях пути казались каплями незастывшего гудрона.

Сразу за перелеском дорогу с обеих сторон стиснули глухие заборы: корявые ветки яблонь лезли наружу из-за высоких стен, словно спасаясь от чего-то. Темно было в деревне. Редкие накренившиеся фонари вдоль обочины еле-еле освещали сами себя. Потом потянулись заборы попроще — гнилой, покосившийся штакетник. Кое-где в глубине разросшихся садов виднелись световые прямоугольники окон.

Наконец дорога вывела на открытое пространство. Посреди небольшой площади стоял памятник Ленину. Из-за того что вождь был небольшого размера, казалось, что на постамент залез какой-то расхулиганившийся подросток. Фонари здесь горели не такие, как в переулке — высокие, яркие. Напротив Ленина — магазин «Продукты», на фоне светлой витрины виднелись два человеческих силуэта. Асфальт на площади весь в выбоинах, пузырях растрескавшихся кочек, словно горох на нем кололи. Большой перекресток: четыре дороги расходились в разные стороны. И ныряла вправо малоприметная дорожка — машина еле проедет. Традиционно деревенская грунтовка: щебенка да битый шифер.

Здесь было намного холоднее. Деревня стояла на холме, и осенний ветер вовсю носился по площади, ерошил лужи, цеплялся за ветки разросшихся ив. Но стоило повернуть в переулок — опять тишина, только хрустит под ногами гравий, да тихо шелестят низко нависшие над дорогой яблони. Крупные шары антоновки свисали, как новогодние игрушки.

Калитка стояла открытой нараспашку. Дорожка из плиток, пьяно забирая вправо, вела к приземистому одноэтажному дому. Горело только одно окно, свет выхватывал из сумрака край узорчатого наличника,

покрытого, как коростой, хлопьями растрескавшейся, облупившейся краски.

За углом дома притулилась терраска, вся перевернутая, угол задран выдавленным из земли кирпичным столбом. Истерты ступени вели к двери, обивку которой будто распирала изнутри какая-то сила: веревки глубоко врезались в черный протертый дерматин, вычертив на нем узор из ромбов.

— Кого там?! — донеслось из окна.

Загремели ведра, с сухим треском упала на пол какая-то деревяшка, звякнуло — дверь скрипнула, и в освещенном проеме возник невысокий кряжистый старик в грязных джинсах и тельняшке. Пахнуло табаком и яблоками.

— Ну чего? — свесился с порога, щурясь в темноту.

Усы воинственно топорчились над губой старика, придавая лицу — широкому, носатому, с глубоко посаженными глазами — какое-то бандитское выражение. Густые седые волосы торчали, как иглы дикобраза.

— Не узнаёшь? — спросил гость.

— С какого мне тебе узнавать-то? — ощетинился старик.

— Свет экономишь, Иваныч?

— Чего?

— Свет, говорю, над крыльцом есть? — терпеливо пояснил гость.

— Был где-то, — сбавляя обороты, проговорил хозяин и, отклонившись внутрь, пошарил по стене рукой.

Под козырьком вспыхнула лампочка, высветив скамейку у окна, ряд кленов вдоль дороги и пришедшего: невысокого мужика лет под пятьдесят в плаще и кепке. Он тоже был с усами, но его усы, унылой

подковой огибающие рот, выглядели не в пример аккуратнее хозяйских.

— Итить! — заорал хозяин, взглянувшись. — Юрка! Лично!

Он взмахнул руками и, пошатываясь, резво скользил с крыльца. В процессе движения выяснились два неоспоримых факта: во-первых, старик был хром и, во-вторых, пьян.

— Не Юрка, а Юрий Григорич, — поправил сам себя хозяин, троекратно облобызив гостя.

Юрий Григорич вяло ответил на пьяные обнимания, по возможности быстро прервал процедуру приветствия и наставительно молвил, покачав перед носом у друга пальцем:

— Сытый голодному не товарищ, Федор Иваныч.

— Дык в чем дело-то! — радостно всплеснул тот руками. — Пошли, исправим!

Метнулись тени по струганным, рассохшимся половицам терраски, скрипнула внутренняя дверь, луч света обличающее высветил захламленный садовым инвентарем угол, стол с россыпью душистых яблок на драной цветастой клеенке, ячеистое широкое окно с треснутыми стеклами...

— Идем, идем, — пропыхтел старик, обернувшись в проеме.

Духовитая атмосфера избы словно отрезала запах яблок и осенней сырости. Прямо из сеней попали на кухню, маленькую и неопрятную: раковина с отбитой эмалью, пузатый бак АГВ в углу, оконце с занавесками на струне карниза, в углу — холодильник и телевизор на нем, напротив — стол, заваленный пакетами: сахар, соль, крупа, хлеб. За дальней открытой дверью виднелась жилая комната: ковер на стене, усыпанный,

как заплатами, фотографиями в деревянных рамках. За неприметной дверью справа от входа — Юрий Григорич знал это — находилась ванная с туалетом.

— Заходи, садись, вот сюда давай, — сутился от радости Иваныч.

Хозяин плавно покачивался, сверкал веселым хмельным взглядом. На столе водка, кастрюлька с картошкой, лук и горка соли на блюдце.

— Бедновато живешь, герой-орденоносец, — оценил ассортимент Юрий Григорич.

— Да и ты, я вижу, больше девок кудрями не завлекаешь, — отозвался стариk, хитро прищурившись.

Гость как раз снял плащ и забросил на вешалку кепку, и теперь плешь на его голове озорно поблескивала под низко висящей лампой без абажура.

— Ну давай тогда за встречу, — пригладил волосы Юрий Григорич.

— Об том и речь!

Стариk цепко выхватил из-под тумбочки еще одну рюмку, разлил. Чокнулись со звоном, от души, синхронно опрокинули, крякнули. И так же одновременно ухватили луковицы. Пальцы у деда Иваныча были бугристые, изогнутые, с расплющенными желтыми пластинами ногтей — и Юрий Григорич застеснялся своих ухоженных, местами даже элегантных рук.

— После первой по второй кто не выпил — тот дурак, — заявил дед, снова ухватив бутылку.

— Ну у тебя-то уже и не третья, поди...

— Ты мои не считай, ты свои считай, — посоветовал Иваныч, наполняя стаканы.

И снова, прозвенев стеклом, синхронно выпили.

— Звал-то чего? — спросил Юрий Григорьевич, хрустнув луковицей.

— Картошку вон бери, — махнул Иваныч, заметно насупившись.

— Покурим?

— На улице. В доме не курю. Внук у меня, понимаешь, завелся...

— И давно?

— Второй год.

— Ну пойдем.

После тепла кухни улица показалась по-зимнему холодной. Ночь наваливалась на деревню шипящей темнотой: дождик сыпался с неба, искрились капли на освещенном окне. Закурили, помолчали. Дед, нацепив обрезанные у голени резиновые сапоги, спустился на землю, Юрий Григорич в тапках — с крыльца.

— Ну? — напомнил Юрий Григорич.

— Ты все еще в Метрострое? — не то спросил, не то уточнил Иваныч.

— На пенсии...

— Охо-хо... Помнишь, как яблоки у меня воровал? — сверкнул стальным зубом дед.

— Дядя Федя, по делу давай.

И снова будто подзатыльник старику влепили — и улыбка исчезла, и глаза потускнели...

— Посадить меня хотят, Юрка! — помявшись, выпалил дед и отчаянно затянулся.

— Не посадят! — твердо заявил Юрий Григорич.

— С чего-то?

— Ну а сколько тебе стукнуло?

— С двадцатого я. Сам считай.

— Восемьдесят... Не посадят.

— С них станется. Да и не это важно. Внук у меня, так? Я что им, чикатила какая? Таскают туда-сюда —

участковый, следователь. Я их взорву, к собакам — у меня мина противотанковая...

— Да что ты сделал-то?

— Ничего. Я тут сторож, в церкви то есть нашей. Ну как... не то чтобы сторож. Я тут рядом живу, потому отец Андрей обратился, попросил приглядывать, если уж бессонница... Ну, и доплачивает он мне за это. Или там продуктов... Поэтому и ходил той ночью. Потому что проверять надо. Такая обязанность у меня, понимаешь?

— Давай-ка по порядку, дед. — Юрий Григорич достал новую сигарету, прикурил.

— В дом пошли, — попросил Иваныч.

— На свежем воздухе оно лучше будет. У тебя тут язык резвей ворочается.

— Я как увидел, что они мертвые...

— По порядку, дядя Федя, по порядку, — напомнил Юрий Григорич.

— Хорошо. — Иваныч подобрался, тоже засмолил новую беломорину. — Икона у нас в церкви. Бабка твоя Ульяна лет пять тому, перед самой смертью, отдала. Помнишь? Ну вот. Тут выяснилось, что имеет она большую ценность. Три дня назад комиссия приезжает, так? Два мордоворота из ихних, в рясах. И два не из ихних, тоже мордовороты — охрана, значит. В сторожке заночевали. Утром мертвые. Я их нашел. Я, получается, и убил.

— Те, которые приехали забирать?

— Ну!

— Почему ночью приехали?

— Они днем еще объявились. Пошли сначала в храм, потом икону взяли — в сторожку. Потом еще что-то... Отец Андрей им и говорит: оставай-

тесь, мол, до утра. Чего вам на ночь в Москву? Ну, остались.

— А ты сторожил?

— Я ночью два раза выходил. У них там «Мерседес». Большой, черный. Мало ли что? Наши выпивохи гвоздями неприличные слова нацарапают. Они, наши-то, икону отдавать не одобряли. Да и я тоже считаю, что...

— Ты не отвлекайся.

— Ну да. Те, специалисты, они спать легли. А охрана чаю попросила. Я им самовар принес. Ну и вот... Второй раз пошел обход делать. Смотрю, у этих в сторожке свет горит. Думаю, надо зайти, может, что еще надо? Вокруг церкви обошел... Вбегаю к этим — а они уже и мертвые. На полу лежат. Я к отцу Андрею. Он к Федорову. Это участковый наш. Ну, Вовка — ты его знаешь...

— И поэтому они решили, что ты убил?

— Они бестолковые там все, понимаешь? Что наш Вовка, что следователь из Калуги. Им лишь бы на кого это повесить. Весной еще на столбе у церкви видеокамеру поставили. Записывает, что там происходит, круглые сутки. И на записи никого, кроме меня, нету, понимаешь? Там все мертвые, в сторожке, икона пропала — а никто, кроме меня, не входил, не выходил.

— Померли отчего?

— Угорели, говорят...

— Печку, что ли, топили?

— Так холодно по ночам-то уже. Топили, должно.

— И дымоход неисправен?

— Нормальный дымоход. Я как вбежал, так и не заметил ничего такого.

— Угарный газ без запаха.

— Нормально дышалось там, Юрка.

- Времени сколько было?
- Часа четыре...
- И что ты делал там в четыре часа ночи?
- Ну это, обход делал.
- Ты каждую ночь обход делаешь?
- Говорю же, потому что «Мерседес» у них, черный...
- Церковь вокруг обошел?
- Ну. Потом к этим, кто за иконой приехал.
- А теперь давай правду.
- Чего? — Иваныч изумленно задрал голову.
- Правду.
- Об чем?
- Зачем к сторожке побежал? — быстро спросил Юрий Григорич.
- Почему побежал? — спохватился Иваныч.
- Сам так сказал.
- Не так выразился. Пошел, имелось в виду.
- Зачем?
- Спросить, мож надо чего?
- И...
- Вошел, а они мертвые...
- Зачем людей убил?
- Юрка, ты чего? — Старик горестно всплеснул руками.
- Тогда не ври.
- Дык я же и говорю...
- Иваныч, ты, откуда бы ни шел, так или иначе мимо окна сторожки не проскочишь. Ты обязательно бы заглянул. И увидел бы, что они мертвые, еще с улицы.
- Я в окно не заглядывал. — Дед порылся в кармане телогрейки и достал еще одну папирюску.

— А должен был заглянуть. И постучать. Вдруг спят? Нет?

— Нет, — отвернулся Иваныч.

— Давай, давай, рассказывай.

— Я не сумасшедший, Юрка, — с вызовом заявил старик и крутанул левый ус так, что он встал дыбом.

— Ну так кто спорит-то? — подбодрил с крыльца Юрий Григорич.

— Короче говоря, так, — резанул ладонью Иваныч. — Иду, а она там, за забором, со стороны кладбища стоит...

— В четыре часа ночи?

— Ну! Я поначалу к ней: кто, зачем? А как разглядел — бегом обратно.

— Что она там делала-то, в такой час на кладбище?

— Сказать по совести, ей там самое место.

— Да?

— Да. Это бабка была твоя, Юрий Григорич. Ульяна. Которую мы там и похоронили.

Замолчали глубоко, надолго. Шумел дождик. Табачный дым клубился вокруг лампочки, и бился в дыму одинокий крупный комар. Старик зябко передернул плечами, повернулся и решительно...

Глава 2

...потому что другого объяснения нет! — хлопнул по столу капитан Сапегин, и часы на запястье весело блеснули.

Было это поздним вечером. Гудящий свет люминесцентных ламп давил на глаза, бликовал на